

ПИТЕР ПОКЕТ
СТИХИ

АННА
РЕВЯКИНА

*Что ни дом, то короб пустой,
что ни слово, то сух язык, —
эта боль посильней зубной.
Бог, как опытный ростовщик,
назначает такой процент —
не рассчитаешься до зимы.
После смерти не будет цен,
только свечечки зажжены.*

**ВОСЕМЬ.
ДОНБАССКИХ.
ЛЕТ.**

Анна Ревякина
Восемь. Донбасских. Лет
Серия «Питер покет. Стихи»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68762937
Восемь. Донбасских. Лет. Питер покет. Стихи: Питер; СПб; 2023
ISBN 978-5-00116-877-5*

Аннотация

Анна Ревякина – автор восьми книг, ее стихи переведены на 16 языков. Лауреат множества национальных и международных поэтических премий. Прочитав поэму «Шахтёрская дочь», Евгений Евтушенко назвал Анну Ревякину великой русской поэтессой, а Станислав Куняев поставил эту поэму в русской культуре на уровень плача Ярославны из «Слова о полку Игореве». По произведениям Анны Ревякиной снимаются фильмы и ставятся спектакли, её стихи входят в школьную программу. В этот сборник вошли стихотворения и поэмы за период с 2014 по 2022 год.

Публикуется в авторской редакции.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

2014	5
«Что ни дом, то короб пустой...»	5
«Иногда пространство не выдерживает и рвётся...»	7
«И хотя моя цель – не вырасти, но расти...»	9
«Странная моя девочка с растрёпанной головой...»	10
«Этот город покинули птицы. И неспроста...»	12
«Любить тебя до неприличия...»	14
Родная речь	15
«Брести переулочком...»	17
«Я люблю этот город...»	18
«Город мой. Тот, где с детства отсутствует море...»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анна Ревякина
Восемь. Донбасских.
Лет. Питер покет. Стихи

Часть средств от продажи книги будет перечислена в библиотечные фонды территорий, пострадавших от военных действий.

© ООО Издательство «Питер», 2022

© Серия «ПИТЕР ПОКЕТ», 2022

© Анна Ревякина, 2022

2014

«Что ни дом, то короб пустой...»

Что ни дом, то короб пустой,
что ни слово, то сух язык, —
эта боль посильней зубной.
Бог, как опытный ростовщик,
назначает такой процент —
не расплатишься до зимы.
После смерти не будет цен,
только свечечки зажжены.
Под ногами горит асфальт,
и не слышно колоколов,
в этом городе плавят сталь,
проливают свою же кровь.
А за городом светлячки
освещают победный путь,
я гляжу сквозь твои очки,
я желаю к слепцам примкнуть.
Что ни дом, то сплошная скорбь,
что ни голос, то вой сирен.
Этот город был слишком горд,
и теперь он пошёл в размен.
Бог торгуется, как банкир,

не уступит и двух монет.
Бог смеётся, что Божий мир
утверждает, что Бога нет.
Его смех – канонада дня,
город плотно берут в кольцо.
В этот город пришла война,
я боюсь ей смотреть в лицо.

«Иногда пространство не выдерживает и рвётся...»

Иногда пространство не выдерживает
и рвётся,
обнажая слои и заброшенные колодцы
посреди дворов, где сирень и яблони,
где высокий ты остаёшься маленьким...
Навсегда. Там пахнет книгами
и прочитанным,
пахнет крепко, вышколено, мучительно.
Стой под яблоней и гляди на решётки
в окнах,
стой, покуда в горле не станет сохнуть...
Слово за слово, мы вернёмся, на кальке
детства
абрис каждого обрисован, кто по соседству
заливался смехом, судачил, бельё
вывешивал.
Твоя мама смотрела сны зачастую вещие.
Иногда в рулетке времени и пространства
вдруг случается сбой, как на той
подстанции,
по которой ты узнаешь дорогое место, —
красный дом внутри прожитого детства.
Узкий вход в подъезд, беседка

и сизый тополь.

Он всегда был здесь, и всегда галопом
вы носились по двору – оголтелые!

А теперь ты впаян в иное тело,
оно жёстче, суше, что, впрочем, кажется.

«Я читаю души...» «Прочти,
пожалуйста!» —

ты стоишь навтыяжку, просишь взглядом.

И я вижу небо!.. Его громада,
если черпать, так же неисчерпаема,
как и эта горловская окраина.

«И хотя моя цель – не вырасти, но расти...»

И хотя моя цель – не вырасти, но расти,
ужасаясь дремучести воздуха над головой.

Я всегда вспоминаю, что здесь полегли

костьми,

уходя в забой. Уходя в запой,

по стеклянное горлышко узких шахт —

четверенили потихоньку, как муравьи.

Не отмыть под ногтями и в пальцах

суровый такт —

сама соль земли, сама боль земли.

Словно стон роженицы – выдох, вдох.

Нарастает рокот внутренних галерей.

Уповай на Бога, но помни, что этот Бог

не жалеет даже собственных сыновей.

Но руда-земля тебя любит – вторая мать,

подземелий пыль не похожа на стылый

прах.

Если цель твоя – выстоять, так учись

стоять,

но тебе в этом не помощник страх.

«Странная моя девочка с растрёпанной головой...»

Странная моя девочка с растрёпанной
головой,
я всегда разговариваю с тобой, как
на передовой,
я спешу к тебе так, как спешат приходить
домой
после длинного дня, чтоб обняться
с пустой софой.

Я боюсь поворачивать голову резко,
как в вещем сне,
всё мне кажется, ты растворишься
в сплошной зиме,
свет искусственный льётся по шее
и по спине,
твоя тень – Атлантида, что лежит глубоко
в воде.

Ты похожа на берег Кубы, вокруг
сиреневая вода,
я умею с тобой быть грубым, я умею играть
врага
или самого нежного друга, ты слишком мне

дорога,
это жуткое «слишком» превращает умника
в дурака.

Ты дрожишь губой, хлюпаешь носом,
и меркнет свет,
я пытаюсь собраться с мыслями, только
мыслей нет,
я пытаюсь отчаянно вспомнить, что
слишком сед,
и твой вес вряд ли выдержит мой
шатающийся хребет.

Я твержу тебе в сотый раз: «Нам с тобою
не по пути!»

Ты глядишь на меня испуганно, я считаю
до десяти,
прижимаю тебя к себе, Господи, вразуми,
но мне кажется, разум – последнее, что
имеется у любви.

«Этот город покинули птицы. И неспроста...»

Этот город покинули птицы. И неспроста.
Я хочу о тебе молиться и ждать поста.
По весне не открылось небо для птичьих
 стай,
я хочу в тебя вечно верить, мой дикий край.
Моё сложное счастье – верить в пустую
 клеть,
я хочу для тебя рождаться, в тебе звенеть.
В этом слишком высоком небе из пустоты
появляются лица предков и те стихи,
что остались великими ненаписанными
 о нас.
Этот город не справится с болью
 от новых язв.
Этот город покинули птицы, ушли
 на фронт,
я брожу вдоль больной границы, сжимаю
 зонт
и невидящими глазами ищу твой след.
Этот город покинули птицы, оставив хлеб
засыхать и плесневеть на ладонях моих
 весной.
И не слышно песен, и воздух пропах

ВОЙНОЙ.

«Любить тебя до неприличия...»

Любить тебя до неприличия
громко, устно, уста в уста.
Птица моя грустная,
птица моя, отведавшая креста.
Я – твоё пугало посреди полей,
полчеловека, одни глаза.
Птица моя, пожалей меня, пожалей.
Воротись назад!
Сон – та же явь, только наоборот,
мой горизонт – пятно.
Птица с чужой ладони зерно клюёт,
но небо у нас одно.
И в небе, как призраки, корабли,
железные птицы крылом к крылу.
Знай, птица моя, у моей любви
нет склонности
птиц подавать к столу.

Родная речь

Мой язык кому-то становится поперёк
горла.

Говорить на нём – всё равно что терпеть
свёрла
по металлу в кости подъязычной и рядом
снёбом.

Мой язык поэтичный уродлив
для русофоба.

Моя личная фобия – договаривать всё
до точки,
моя личная точка там, где ушная мочка
переходит в хрящ. В нём нервическая
основа,
перевод синхронный влетевшего птицей
слова.

Отстранившись прилюдно, перебираю
смыслы,
мой язык гениален, выдыхается
углекислым.

Лишний повод расти деревьям, цветам
и травам,
лишний повод закату стать навсегда
кровавым.

Мой язык для кого-то сложен
и неприемлем,

он впитал весь пот, что отдан был русским
землям,
он звучит внутри, как то, что молчать
не может.

Мой язык – пятно несмываемое на коже.

«Брести переулочком...»

Брести переулочком,
проситься под локоток.
Купи мне булочку
или какой цветок.
Гляди, как светятся
звёздочки над Кремлём.
Сытым – краюху месяца,
голодному – в горле ком.
Будешь моим ли дитяtkом?
Здесьние ночи лгут.
Я не люблю политику.
Не ты в ней ведёшь. Ведут.
Видишь, мои окошечки,
жёлтым горит ночник,
давай помолчим, хороший мой.
Забудь, на что дан язык.
Улица под подошвами
похрустывает, что лёд.
В ладони моей – горошина,
в ладони твоей – народ.
И где-то за краем зрения
мир вертится, как юла.
Пожалуйста, не разменивай
молчание на слова.

«Я люблю этот город...»

Я люблю этот город —
обетованную степь,
на лице его порох,
он видел воочию смерть.
Он безумен, как шляпник,
разливший нечаянно ртуть.
Этот город внезапен,
но мне не в чем его упрекнуть.
Он стоит на границе —
силы света и силы тьмы.
Он немножечко рыцарь,
его горы – всего-то холмы.
Его вены, усталые вены —
потемневший асфальт дорог.
Его все обвиняют в измене,
сочиняют ему некролог.
Я люблю его, как ребёнка,
не болеет ли, не озяб?
Как же тонко в нём всё, так тонко,
но об этом сейчас нельзя.
Впрочем, в тонкости тоже сила,
тоже правда и благодать.
Я заранье его простила,
если будет за что прощать.

«Город мой. Тот, где с детства отсутствует море...»

Город мой. Тот, где с детства отсутствует
море,
и повсюду степь – невозможно рыжая,
с янтарём,
словно вечный рассвет, как картинка
на мониторе,
словно юность отца, упакованная в альбом.

Не сдержаться, когда прикасаешься
к камню,
когда трогаешь тёмную землю, что
на крови.

Если ты здесь родился, то родился ты
неслучайно
в чёрнокаменном городе, что стоит
на краю земли.

И до взморья отсюда добраться две сотни

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.